
В. Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Россия

Обсуждение истории русского летописания в переписке А. А. Шахматова

РЕЗЮМЕ

Второй том избранной корреспонденции А. А. Шахматова, в настоящее время подготовленный к печати, включает переписку с А. Е. Пресняковым, В. А. Пархоменко и С. П. Розановым, с которыми отчасти А. А. Шахматов обсуждал вопросы истории летописания. А. Е. Пресняков признавал себя последователем А. А. Шахматова в исследовании летописей, хотя еще до знакомства с ним пришел к мысли о новом подходе к памятникам древнейшей письменности. Кроме А. А. Шахматова, он испытывал влияние своих учителей, прежде всего С. Ф. Платонова, который представлял школу К. Н. Бестужева-Рюмина. Как следует из писем, ученики А. Е. Преснякова критиковали построения А. А. Шахматова, противопоставляя ему своего учителя, хотя сам А. Е. Пресняков не спорил с ним по истории летописных текстов, и, объявив семинар по истории Древней Руси, постоянно обращался к А. А. Шахматову за разъяснениями. Другой темой переписки были статьи самого А. Е. Преснякова, которые он посылал А. А. Шахматову, получая от него замечания. В переписке с С. П. Розановым затрагивались некоторые темы истории и историографии летописания, давались оценки коллегам, например М. Д. Приселкову. После чтения работ А. А. Шахматова С. П. Розанову даже пришлось в голову написать методологическую работу по исследованию древнерусской книжности. Летописные сюжеты всплывают и в переписке А. А. Шахматова с В. А. Пархоменко, его последователем и протеже, который, однако, подвергал сомнению некоторые построения А. А. Шахматова, расходился с ним в норманском и других вопросах истории Древней Руси, и сам А. А. Шахматов критиковал методы исследования своего корреспондента.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. П. Розанов, В. А. Пархоменко, летописание.

Varvara G. Vovina-Lebedeva (St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Russia). Discussions of the History of Russian Chronicles in the Correspondence of Aleksey Shakhmatov

ABSTRACT

The second volume of the selected correspondence of Aleksey Shakhmatov, soon to be published in St. Petersburg, contains correspondence with Alexander Presnyakov, Sergey Rozanov and Vladimir Parkhomenko. Presnyakov acknowledged himself to be a disciple of Shakhmatov, although even before meeting him, Presnyakov himself came up with a new approach to medieval Russian chronicles. He was also influenced by his university teachers, primarily Sergey Platonov, who represented the school of Konstantin Bestuzhev-Ryumin. The correspondence shows that Presnyakov's students criticized Shakhmatov's theories in favor of their teacher's ideas, although Presnyakov himself did not argue with Shakhmatov about the history of the chronicles. Having announced a seminar on early Russian history, Presnyakov

constantly turned to Shakhmatov for advice. He also sent his articles to Shakhmatov, who commented on them. In the correspondence between Shakhmatov and S. P. Rozanov, the scholars touched upon some topics of the history and historiography of the chronicles and gave assessments to some colleagues, for example, M. D. Priselkov. Shakhmatov's works even made Rozanov think about writing a methodological essay on the study of medieval Russian texts. Shakhmatov's correspondence with his follower and protégé V. A. Parkhomenko also touches upon the topic of chronicles. Parkhomenko questioned some of Shakhmatov's concepts, while the latter criticized the research methods of his correspondent.

Keywords: Aleksey Shakhmatov, Alexander Presnyakov, Sergey Rozanov, Vladimir Parkhomenko, Russian chronicles.

Как известно, академик А. А. Шахматов равным образом проявил себя в языкознании и в истории русского летописания. И в той и в другой сфере его работы остались незавершенными, а многие из планов — неосуществленными из-за внезапной смерти ученого в Петрограде в 1920 г. Обращаясь к огромной переписке А. А. Шахматова, хранящейся в основном в СПбФ РАН, исследователи истории науки вправе надеяться на дополнительный материал к научной биографии корреспондентов. Изучение фонда А. А. Шахматова далеко от завершения, однако пока возникает впечатление, что относительно своих занятий летописями А. А. Шахматов в письмах не был многословен. Первый том избранной переписки А. А. Шахматова вышел в 2018 г.¹ Том включает большие комплексы переписки с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем и В. М. Истриным. С первым из них, своим учителем в языкознании, вопросы летописания А. А. Шахматов не обсуждал, как не делал этого и в письмах В. Н. Перетцу, касаясь в основном событий академической жизни. В ответных посланиях В. Н. Перетца, кроме того, подробно описаны события в Киеве периода его преподавания в Университете Св. Владимира, а затем в Самаре во время Гражданской войны. В переписке с В. М. Истриным если и заходила речь о летописях, то только в связи с той критикой, которую последний высказывал в отношении трудов своего корреспондента.² Во второй том переписки, который сейчас подготовлен к публикации, вошла, помимо прочего, переписка с А. Е. Пресняковым, С. П. Розановым и В. А. Пархоменко. С этими исследователями А. А. Шахматов обсуждал вопросы истории летописания.

А. А. Шахматов не был ученым петербургской исторической школы, как А. Е. Пресняков. Тем не менее распространено мнение, и оно справедливо, о том, что оба они пришли одновременно к сходным мыслям о составлении летописных сводов и о применении к ним сравнительного метода и даже заключили, по собственному выражению А. А. Шахматова, «оборонительный и наступательный союз» против летописей, разграничив сферы влияния: Шахматов должен был исследовать раннее летописание, а Пресняков — летописные своды XVI в.³ Действительно, когда А. А. Шахматов переехал

¹ *Шахматов А. А.* Избранная переписка. СПб., 2018. Т. 1.

² Подробнее об этой переписке см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. СПб., 2011. С. 279—287.

³ Наиболее подробно этот сюжет исследован в работах С. В. Чиркова. См., например: *Чирков С. В.* А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков: (По материалам архива А. Е. Преснякова) // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 384—395; *Пресняков А. Е.* Русское летописание. Биография и история / Сост. С. В. Чирков. М., 2017. См. также: *Свердлов М. Б.* А. Е. Пресняков (1870—1929): Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, примеч.

в Петербург и стал активно работать в Академии наук, а А. Е. Пресняков — в Археографической комиссии, их пути пересеклись. Это случилось на самом рубеже веков, но отношения стали в особенности тесными начиная с 1907 г., когда последний стал вести семинар по Древней Руси в Петербургском университете.

А. Е. Пресняков испытывал при работе с летописями влияние своих учителей, прежде всего С. Ф. Платонова, который представлял школу К. Н. Бестужева-Рюмина и имел другой подход к летописанию.⁴ Но понимание А. Е. Пресняковым соотношения летописных текстов было более сложным, чем свойственно ученым школы Бестужева-Рюмина. Тем не менее в «Истории русской литературы» под ред. А. Е. Грузинского, вышедшей в 1916 г., А. Е. Пресняков писал о раннем летописании не во всех местах по-шахматовски.⁵ К сожалению, мы не знаем мнения А. А. Шахматова о разделах по летописанию в «Истории русской литературы», хотя А. Е. Пресняков и спрашивал о них в письме. Но нам известно, что лучший ученик А. Е. Преснякова в исследовании летописей, Н. Ф. Лавров, критиковал А. А. Шахматова, многие научные построения последнего считал надуманными и даже отчасти был движим разоблачительным пафосом, противопоставляя Шахматову своего учителя Преснякова.⁶

Несмотря на то что школа Шахматова и школа Преснякова — это разные научные направления, переписка между учеными подтверждает их дружескую и творческую близость. Видно, что А. Е. Пресняков не просто не спорил с А. А. Шахматовым по вопросам истории летописных текстов, но признавал себя его последователем и учеником в этой области. Организовав семинар по истории Киевской Руси (из которого вышли Б. А. Романов, Н. Ф. Лавров и многие другие видные историки), он в письмах обращался к Шахматову как к мэтру, прося разъяснить непонятные ему места работ последнего, когда их логика оказывалась слишком сложной и он не был уверен, что правильно понял мысль своего корреспондента. Нет никаких следов того, что А. Е. Пресняков полагал себя в чем-либо первооткрывателем в истории летописания по сравнению с А. А. Шахматовым.

Остановимся на письмах 1907—1908 гг., относящихся как раз ко времени начала работы семинара, когда А. Е. Пресняков чувствовал себя неуверенно и нуждался в поддержке А. А. Шахматова.⁷ «Хотелось бы лично

М. Б. Свердлова. СПб., 1993. С. 506—554; *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 228—246. Оставляем сейчас в стороне позицию В. Ю. Аристова, полагающего, что мнение А. Е. Преснякова по этим вопросам было первичным и повлияло на работы А. А. Шахматова. Об этом см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Сто лет после Шахматова: (О книге В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание») // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2021. № 4. С. 136—152.

⁴ *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 228—234.

⁵ *История русской литературы до XIX в.* / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1916. Т. 1. С. 148—169, 248—270; *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 237—239.

⁶ *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 562—584, 593, 598, 607, 617, 645—646, 667—669, 671, 674.

⁷ Письма А. Е. Преснякова хранятся в фонде А. А. Шахматова в СПбФ АРАН (ф. 134, оп. 3, д. 1234), письма А. А. Шахматова — в фонде А. Е. Преснякова в Архиве СПбИИ РАН (ф. 193, оп. 2, д. 21). Далее при цитировании в тексте в круглых скобках будут указаны только листы.

поблагодарить Вас за Ваше милое письмо, за ласку надписи на книге», — писал он, имея в виду «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» А. А. Шахматова. А. Е. Пресняков признавался, что «приняться за чтение (...) еще не мог», а только заглядывает «то тут, то там», осознавая, что «надо будет припечатать к книге» (то есть к завершаемому тогда «Княжому праву в Древней Руси») «несколько дополнительных примечаний по поводу того чрезвычайно интересного и существенного освещения, какое получают у Вас иные тексты, которыми мне приходилось попросту пользоваться» (л. 3—3 об.). Его очень беспокоило, правильно ли он начал работать со студентами: «Я решил на начало, которое, не знаю, одобрите ли. Так как у меня был один час, и то назначенный для предварительного сговора о времени, пособиях, то я ограничился весьма краткими замечаниями и предложил всей группе, приобретя Лаврентьевскую и Новгородскую I — сравнить их текст до смерти Игоря, поставив ряд простейших вопросов» (л. 41). В том же письме (от 9 октября 1907 г.) А. Е. Пресняков признавался, что у него даже появилась мечта вести занятия со студентами под руководством Шахматова. «Если, как мне казалось, Вы ничего против этого иметь не будете, — писал он, — то, быть может, найдете возможным назначить мне любой час в среду, ненадолго конечно, так как первые шаги надо особенно взвесить. Очень был бы благодарен, а то у меня немного голова это время кругом идет — и я боюсь, что без Вашей поддержки сразу сделаю промахи, которые потом поправить будет труднее» (л. 41).

Через месяц, 8 ноября 1907 г., А. Е. Пресняков сообщал А. А. Шахматову, что у него «образовался целый список вопросов, по которым крайне хотелось бы поговорить», поскольку «подготовительный период наших занятий закончен, и я раздал студентам ряд тем для самостоятельной обработки. Посмотрим, что из этого выйдет, справятся ли они, справлюсь ли я» (л. 13—13 об.). Как раз в этот момент он, видимо, дал Б. А. Романову тему о «смердьем коне» в летописях и Русской правде. Летописи и Русская правда были главными сюжетами, на которых держался семинар А. Е. Преснякова 1907/08 гг. В одном из недатированных писем последующего времени он писал А. А. Шахматову: «В воскресенье к Вам, вероятно, явится студент Романов и представит Вам статью: о смердьем коне и смерде. Он читал со мною и отчасти переработал ее по моим указаниям. Я и направил его, чтобы он ее Вам снес. Интересно, как Вы ее найдете» (л. 57 об.).⁸

Собственные работы этого времени А. Е. Пресняков также не рисковал выпускать в свет без прочтения их А. А. Шахматовым, тем более в руководимом последним журнале. «Посылаю статью, — писал он о статье «Кормилец, воевода, тысяцкий».⁹ — Огромное Вам спасибо, что побудили меня пересмотреть ее (...) Не знаю, как она теперь выглядит, но разрослась чуть

⁸ Б. А. Романов поступил в Петербургский университет в 1906 г. и работал в семинаре А. Е. Преснякова в течение двух лет. В начале 1908 г. он выступил с докладом, который А. Е. Пресняков предложил ему переработать в статью «Смердий конь и смерд (в летописи и Русской Правде)». По мнению В. М. Панеяха, данное письмо относится именно к этому времени. См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 24—25.

⁹ *Пресняков А. Е.* Кормилец, воевода, тысяцкий // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 148—174.

не вдвое. Дополнил, чем только мог. С новгородскими тысяцкими дело обстоит совсем курьезно. Может быть, все это и теперь слабо, но я пока могу взять за сие свое писание на себя ответственность. А первая редакция никуда не годилась, теперь мне совестно, что она попала Вам на глаза. Еще раз спасибо, что уберегли от ее напечатания» (л. 53).

Но, принимая критику в собственный адрес, А. Е. Пресняков явно гордился своими учениками. Именно этим чувством пронизано февральское письмо 1908 г., где он с притворным отчаянием писал А. А. Шахматову: «Что мне делать с моими студентами? Не хотят Анастаса Корсунянина признавать попом, уверяют, что это светское лицо, ссылаются на Лаврентьевскую (3-е издание), стр. 113, где видят Настаса вне круга попов, [стр.] 119, где Настасу „церковь поручена“, а служат в ней попы, [стр.] 140, где Настас Десятинный в роли отнюдь не духовной. А Новгородскую I — иерея Настаса — отводят, говоря, что текст испорчен, так как и попы корсунские обратились в епископов... Им он рисуется (...) чем-то вроде церковного старосты, и лицом *светским*. Каковы?» (л. 17—18).

А. А. Шахматов 28 февраля 1908 г. отвечал: «Вполне понимаю сомнения Ваших студентов. Анастас под 6496 выступает в не свойственной ему роли, потому что на него перенесены черты сказочного Ждъберна. Я думаю теперь, что в Древнейшем своде сообщалось о тайной присылке Анастаса (едва ли не руководимого Божиим Промыслом) к Владимиру с советом относительно труб. Составитель Начального свода, сливший текст Древнейшего свода с текстом Корсунской легенды, удержал текст совета Анастаса, но ему самому придал черты Ждъберна. Ср. в начале статьи явную компиляцию известий о морской осаде (Корсунская легенда) и осаде с суши (Древнейший свод). Анастас типичный поп. Он в награду за предательство поставлен впоследствии „старшиною“ над попами Десятинной церкви. Ср. в Несторовом сказании „О Борисе и Глебе“ в сообщении о построении первой Вышегородской церкви: „архиепископ же постави попы и дьяконы (...) и постави им стареишину“. В 1072 году таким старейшиною был Лазарь: „и бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь“» (л. 5—6).

Сопоставление двух писем показывает, что у студентов А. Е. Преснякова и у А. А. Шахматова был совершенно разный подход к анализу летописных известий. Прежде всего, А. А. Шахматов выступает как филолог, участники семинара — как историки. Кроме того, построение, предложенное Шахматовым, представляет несколько нанизанных одно на другое предположений. С другой стороны, студенты трактовали текст, совершенно не учитывая его литературный характер. В дальнейшем Б. А. Романов, когда сорок лет спустя писал знаменитую книгу «Люди и нравы Древней Руси», использовал тот же прием: древнерусские памятники письменности, например «Моление Даниила Заточника», он брал как прямые свидетельства об эпохе, такие же, как и Русская Правда. Письма А. Е. Преснякова дают основание предполагать, что такой подход шел еще из семинара последнего.

А. А. Шахматов также обращался к А. Е. Преснякову за помощью как к историку. Так, 9 сентября 1912 г. он писал: «Снова приехал норвежский профессор Олаф Брок. Он переводил Достоевского на родной язык. Мне хотелось бы познакомить его с Сергеем Александровичем (Адриановым. — В. В.-Л.). Брок задает мне ряд вопросов, на которые не умею ответить. Жена

и я просим Вас быть у нас в пятницу 14 сентября, в 12½, к завтраку, и привезти с собой Сергея Александровича» (л. 17). В письмах А. А. Шахматова вообще неоднократно встречаются сожаления о редких встречах. А. Е. Пресняков в этом отношении не отставал: «простите, что, подобно Святославу, позволяю себе предупредить: „иду на Вы“. Сегодня около шести часов попробую позвонить к Вашей двери, в надежде, что удастся повидать Вас. Обстоятельства мои так неожиданно сложились, что я буду на острове до 6, а к 8 ч. мне надо в университет. Попытаюсь похитить у Вас это время; если Вам это неудобно, то я исчезну» (л. 23—24).

Лишь однажды А. Е. Пресняков позволил себе в переписке не согласиться с А. А. Шахматовым, предложив собственную интерпретацию летописного текста. Кажется не случайным, что это произошло в 1916 г., когда А. Е. Пресняков писал статьи для А. Е. Грузинского, для чего обратился к материалу более ранних летописей, чем те, которыми занимался прежде. 7 сентября 1916 г. он писал: «Митрополит Максим умер в декабре 6813, т. е. 1304 года. Свод обрывается ранее известия о его кончине и не содержит этого известия. Не правильнее ли связать митрополичий свод — источник Лаврентьевской — с именем не Петра, а Максима? Связь митрополита Максима с великокняжеской политикой кн. Михаила Ярославича и бояр, руководимых Акинфом, — делает его, пожалуй, даже более подходящим для замысла „общерусского“, чем Петр» (л. 27). На следующий день А. А. Шахматов ответил: «И я также думал о митрополите Максиме, который первый назвался митрополитом Всея Руси. Что меня побудило предпочесть гипотезу о Петре митрополите, сейчас не помню. С радостью узнал из Вашего сообщения, что работаете над близкой мне областью» (л. 25). А. Е. Пресняков не остался в долгу: «Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Александрович, огромное Вам спасибо. Сложу деяние это в сердце своем¹⁰ как, прежде всего, черту нрава Вашего и личную — как и ученую — ласку. С грустью думаю, что, наверное, не смогу в сколь-нибудь значительной мере огрбить результаты Вашего труда. Но толчок они мне дадут. Ведь моя цель — не летописная, а привесок источниковедческий к этюду об образовании Московского государства (против традиционной схемы)» (л. 35).¹¹ Под «трудом» подразумевается критическое издание «Повести временных лет», вышедшее как раз в 1916 г.

Переписка последних лет уже не содержит обсуждений научных вопросов. Она представляет интерес как источник по истории предреволюционных и революционных лет и раскрывает причины, почему А. Е. Пресняков сумел выжить в годы испытаний, а А. А. Шахматов — нет.¹² Среди тех, кто в письмах времен Гражданской войны настойчиво, но тщетно призывал А. А. Шахматова покинуть Петроград и спастись в провинции, был

¹⁰ «Сложу деяние это в сердце своем» — видоизмененная новозаветная цитата, ср. «Для чего ты положил это в сердце твоём?» (Деян. 5: 4); «...Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце Своем» (Лк. 2: 19).

¹¹ Речь идет о докторской диссертации А. Е. Преснякова «Образование великорусского государства», защищенной в 1918 г.

¹² Подробнее о письмах этих лет см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Способы выживания академического сообщества в годы Гражданской войны: По материалам переписки академика А. А. Шахматова // *Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922.* СПб., 2020. С. 141—155.

С. П. Розанов, переписка с которым уже была отчасти предметом анализа.¹³ После переезда из Дерпта в Петербург С. П. Розанов сосредоточился на исследовании текстов Русского хронографа. А. А. Шахматов постоянно побуждал его к выводам, хотя ученик был гораздо осторожнее и старался не писать о том или ином вопросе, «пока он не выяснится» ему «как следует» (л. 25—26 об.). В переписке затрагивались некоторые летописные сюжеты и давались оценки коллегам, например М. Д. Приселкову. С. П. Розанову даже пришлось в голову написать методологическую работу по исследованию древнерусской книжности, чтобы «таким образом положить начало установке этих общих приемов, с которыми еще теоретически полезно знакомиться начинающим...» (л. 76—77 об.). К мнению своего корреспондента А. А. Шахматов относился серьезно. 30 марта 1908 г. он писал С. П. Розанову о том, что у него уже «готов текст Древнейшего свода» и он «был бы рад прочесть Вам его, чтобы выслушать Ваши замечания» (л. 34). А 6 июля он сообщал: «Очень доволен тем, что пришел к определенному заключению относительно автора не Древнейшего свода, а первой его обработки, принадлежащей Печерскому монастырю и восходящей к 1073 году, — это иеромонах (впоследствии игумен) Никон. А Древнейший свод составлен при Ярославе в 1039 году» (л. 36—37). С. П. Розанов 19 июля выражал обеспокоенность тем, что А. А. Шахматов слишком увлекся Древнейшим сводом, оставив пока без внимания прежний план своей работы: «Помните, мы как-то говорили о необходимости дать свод всех Ваших работ по летописям. Такой свод, я думаю, ждется всеми, а особенно в учебных целях...» С. П. Розанов понял, что увлечение Древнейшим сводом отдаляет для А. А. Шахматова написание «общей работы — Истории развития нашего летописания», но выражал надежду, что такой большой труд тоже появится: «С нетерпением и терпением буду ждать такого труда!» (л. 66—67 об.). Относительно присланных А. А. Шахматовым корректурных листов «Разысканий» 1 августа С. П. Розанов писал: «...по отношению к Вашей работе критиком я оказался бессильным, отчасти и потому, что не имею возможности проверить или просто справиться для ясности по источнику». Однако его глаз останавливался на местах, А. А. Шахматовым недостаточно проработанных: «В первых листах задержал было меня 4-й отдел (§ 30 и далее), где, мне казалось, текст (в высшей степени интересный) паремийного чтения о Борисе и Глебе не использован весь¹⁴ (но я с самим этим текстом и не знаком), при первом чтении мне казалось искусственным это как бы перекрестное влияние этих памятников, непонятным казалось (и кажется), почему Повесть временных лет должна была взять из Паремии испорченную фразу, когда у нее под рукой эта фраза была в своем первоначальном виде, тем более что и источник-то этот (Начальный свод) был основным (§ 36, стр. 51)... Но, в конце концов, и здесь научные возражения сделать Вам не могу» (л. 68—71 об.).

¹³ Там же. С. 254—264. Во втором томе «Избранной переписки А. А. Шахматова» переписка с С. П. Розановым подготовлена к публикации и прокомментирована Е. Н. Груздевой. В томе 2 помещены 160 писем 1902—1920 гг. из собрания СПбФ АРАН: Ф. 134, оп. 3, д. 1300 (письма С. П. Розанова) и оп. 4, д. 55 (письма А. А. Шахматова). Далее при цитировании в круглых скобках указываются только листы.

¹⁴ К этому месту у С. П. Розанова имеется сноска: «Т. е. Летопись, мне кажется, не вполне покрывала летописную часть Паремийника».

Однако структура книги А. А. Шахматова по-прежнему беспокоила С. П. Розанова: «Помните, Вы говорили мне, что предполагаете дать II-ю часть, где дадите историю развития древней летописи. Но на стр. 12 Вы говорите, что „задачей настоящего труда является восстановление... Древнего свода“. Поэтому в прошлом письме я и писал Вам, что в виду этой более узкой задачи II-я часть не гармонировала бы с ней, а так как, кроме того, эта часть богата сама по себе, то лучше ей остаться одной, самостоятельной <...> Она, конечно, должна будет впоследствии составить специальную самостоятельную работу под заглавием „История развития...“ нашего летописания, где Вы подведете итоги всем Вашим работам по летописям».

А в конце года С. П. Розанов упоминал уже о собственном проекте написания истории исследования русских летописей: «Сегодня начал читать Вашу книгу (с 15 листа), и опять мне захотелось закончить начатую мною работу по истории разработки летописей. Мне теперь думается — стоит ли останавливаться или лучше (в моих интересах) задерживаться в ожидании изучения мелких и посредственных вкладчиков в эту историю? И именно потому, что интересующая меня методологическая сторона ими и не давалась; если я уже останавливался, например, на Тихомирове, то только для того, чтобы показать всю непригодность установленного Бестужевым-Рюминым метода. Таким образом, оставивши работу в прежнем виде, продолжить ее только анализом методологической стороны этой Вашей последней работы? Эту работу я мог бы сделать летом. Мне приходит в голову — вообще понемногу собирать материал по исследованию методологической стороны в историко-литературных работах, чтобы таким образом положить начало установки тех общих приемов, с которыми еще теоретически полезно знакомиться начинающим» (л. 76—77 об.). Работа эта С. П. Розановым, насколько известно, выполнена не была. Тема летописания на время из переписки исчезла, чтобы корреспонденты кратко вернулись к ней в 1912 г., но речь шла уже об изданиях летописей. 7 ноября С. П. Розанов писал: «Недели 2 тому назад я говорил с В. Г. Дружининым о новых (будущих) изданиях Археографической комиссии и, между прочим, сказал, что я не прочь бы взять на себя издание Татищева. На это он возразил мне, что есть более нужные издания, как Псковские летописи, и предложил переговорить с Вами, указав и необходимость издания именно Псковской летописи <...> А сегодня я случайно в разговоре с В. В. Майковым узнал, что он как раз желал бы взять на себя издание Псковских летописей, так как он, по поручению самой Комиссии, уже изучал Тихоновский список Псковской летописи. Таким образом, дело устроивается <...> так как мне представляется более интересной разборка Татищева» (л. 97—97 об.). Известно, что ни псковские летописи, ни труды В. Н. Татищева так и не были тогда изданы и что к последней теме обратился сам А. А. Шахматов, хотя некоторое время эта тема продолжала обсуждаться как предмет дальнейших занятий С. П. Розанова. 17 ноября А. А. Шахматов писал: «переговорите с Всеволодом Измайловичем (В. И. Срезневским. — В. В.-Л.); если он не возьмется за Татищева, примитесь за его изучение (или лучше за рассмотрение его рукописей), составьте записку и представьте ее в Комиссию» (л. 64). Это последнее упоминание в переписке темы летописания.

И наконец, последний комплекс, которого мы коснемся в данной статье, — переписка А. А. Шахматова с В. А. Пархоменко. Как и А. Е. Прес-

няков и С. П. Розанов, он не был формально учеником А. А. Шахматова.¹⁵ В. А. Пархоменко в молодости был далек от академических и университетских кругов. А. А. Шахматов устраивал ему публикации в ИОРЯС и заботился о переводе в один из университетских центров, познакомил с С. Ф. Платоновым и другими петербургскими профессорами. Он заметил у В. А. Пархоменко исследовательский талант и беспокоился из-за того, что этот талант мог погибнуть в провинции (В. А. Пархоменко жил в эти годы в Полтаве, потом в Тифлисе, Сухуме и Екатеринодаре).¹⁶

Наиболее активно переписка шла в 1912—1914 гг. Некоторые письма А. А. Шахматова были позднее опубликованы самим В. А. Пархоменко, но с купюрами и фактически без научного аппарата.¹⁷ В одном из первых писем, 9 сентября 1912 г., В. А. Пархоменко признавался: «Ваши „Разыскания“ — у меня настольная книга; нет ли у Вас чего-нибудь нового? Очень интересует меня также работа петербургского приват-доцента Приселкова, но о ней имею смутное представление: читал лишь его Илариона-Никона» (л. 3—4 об.). А уже 21 ноября он интересовался мнением А. А. Шахматова об одном чтении: «Летописное место „и посадники своя посади Новегороде. И бе владея един в Руси“ — обычно встречается относительно Ярополка, Святославова сына, — но есть ли где-нибудь вставка подобных слов относительно самого Святослава? Не приходилось ли Вам встречать их где-либо в применении к Святославу? Выяснение этого вопроса для аргументации одного из моих важных положений имеет серьезное значение» (л. 11—12 об.). В письмах В. А. Пархоменко задавал много вопросов подобного рода, просил прислать книги, которых не было в провинции, рассказывал о трудностях в занятиях там наукой.

После выхода «Очерков по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» М. Д. Приселкова, 11 февраля 1913 г., В. А. Пархоменко писал: «М. Д. Приселков меня очень интересует, но в нем, мне кажется, чего-то недостает. Жаль, что на его очень интересные утверждения никто не откликнулся; вот я и пытаюсь откликнуться, — м. б., он подымет перчатку. Это было бы интересно. Вопрос, о котором я пишу, меня очень интересует; пока я соберусь выступить с более или менее обстоятельной работой по этому вопросу, мне хотелось бы его слегка зацепить в библиографии. Быть может, это будет небезынтересно и небесполезно, если г. Приселков захочет выступить с возражением на возражение мое» (л. 22—23 об.).¹⁸ В ответном

¹⁵ В СПбФ АРАН, в ф. 134, сохранилось 133 письма 1912—1920 гг. (письма А. А. Шахматова см.: оп. 4, д. 46; письма В. А. Пархоменко см.: оп. 3, д. 1125). Далее при цитировании указываются только листы.

¹⁶ Судьба В. А. Пархоменко как исследователя после революции и после смерти А. А. Шахматова складывалась трудно. В 1920-е годы у него появились надежды на научную карьеру, установились, благодаря С. Ф. Платонову, связи с историками школы А. Е. Преснякова. Но в 1929 г. он был арестован по делу «Союза освобождения Украины» и освобожден только в 1933 г. по инвалидности. Какое-то время он жил в Тифлисе, потом, видимо, стараниями коллег переехал в Ленинград, где погиб в 1942 г. в блокаду.

¹⁷ *Пархоменко В. А.* Из листування з акад. О. О. Шахматовим // Україна: Науковий двохмісячник українознавства. Київ, 1925. Кн. 4. С. 125—128. Об этом см. подробнее: *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 306—318.

¹⁸ Речь, видимо, идет о статье: *Пархоменко В. А.* В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнее «Житие Антония Печерского»? // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 1. С. 237—241. Разбору работы М. Д. Приселкова посвящена еще одна статья В. А. Пархоменко: *Пархо-*

письме А. А. Шахматова 17 февраля читаем: «Заметку Вашу о Приселкове напечатаю. Я далеко не всегда могу следовать за догадками Приселкова: он человек талантливый, способный, но у него знаний не много и подготовка неважная. Жду его большого труда о Печерском монастыре и надеюсь тогда возразить ему кое-что. Отождествление Илариона с Никоном остроумно, но невероятно. Не признаю сколько-нибудь вероятным времячисление Жития Антония. Отвергаю поэтому и показание его о начале Печерского монастыря в 1030-х годах» (л. 9—9 об).

А в конце года речь зашла уже о книге самого В. А. Пархоменко «Начало христианства Руси», и А. А. Шахматов писал: «Прочел Вашу книгу с большим интересом. Не сомневаюсь в том, что у Вас крупный научный талант — простите меня за это определение (...) Ваши возражения по главному вопросу и по ряду частных заставят меня пересмотреть все то, против чего Вы возражаете. Борьба с норманизмом не так проста, как Вы, думается, готовы признать. Во-первых, не так легко отделаться от свидетельства летописи; во-вторых, название шведов финнами Ruotsi везде тождественно с „Русь“; в-третьих, имеем современное греческое свидетельство у продолжателя Амартола (...) У меня много частных возражений (...) Но есть и прекрасные места» (л. 15—16).¹⁹ В следующем письме А. А. Шахматов рассказывал о собственных планах: «Вы спрашиваете о географическо-этнографическом введении к русской летописи. Его источники, его анализ. Я теперь сижу над этой работой, предполагая в будущем году выпустить исследование об источниках и составе Повести временных лет и дать восстановленный текст ее. Прямо скажу, что эта часть летописи не проанализирована, хотя, в общем, источники ее ясны» (л. 17—17 об.). И поскольку В. А. Пархоменко продолжал присылать А. А. Шахматову свои небольшие заметки по древней истории, основанные на материале летописей, 23 декабря А. А. Шахматов послал ему известное письмо, касающееся методов работы историка и филолога, о котором мне уже приходилось писать:²⁰ «Я историк литературы или, точнее, стремлюсь быть таковым в своих работах по летописи. Вы историк. Я постигаю литературные факты, Вы стремитесь постичь факты исторические. Но Вы как будто упускаете из виду, что исторические факты дошли до нас в литературной традиции, в литературных памятниках, они светят через тусклую призму литературных памятников. Выделению исторических фактов должна предшествовать работа над литературным составом источников.²¹ *Мне кажется, Вы не произвели такой работы. Не приглашаю Вас следовать за моими выводами, они весьма проблематичны. Но весьма желал бы, чтобы до каких бы то ни было заключений о фактах исторических на

менко В. А. Три момента начальной истории русского христианства: Игорь «Старый» и Ярослав Мудрый (по поводу нового исследования М. Д. Приселкова) // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 18, кн. 4. С. 371—380.

¹⁹ А. А. Шахматов напечатал рецензию на книгу В. А. Пархоменко: *Шахматов А. А.* [Рец.:] Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. Полтава, 1913 // ЖМНП. Новая серия. 1914. Ч. 52, № 8. С. 334—354.

²⁰ *Вовина-Лебедева В. Г.* Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. С. 309—310, примеч. 26.

²¹ При публикации части переписки с А. А. Шахматовым В. А. Пархоменко сократил данное письмо, убрав текст от знака * до **.

основании наших летописей Вы уяснили бы себе состав наших сводов, литературную историю Повести временных лет.** Вопрос об Олеге особенно поучителен. Я убежден, что древнейшая летопись говорила о князе Олеге, „Начальный свод“ низвел его в воеводы, а „Повесть временных лет“, получив доступ до договора с греками, опять должна была признать князем. Историк, пожалуй, не интересны эти домыслы летописцев, он хочет знать, кто же был доподлинно Олег. Но миновать ему тщательной критики источников в данном случае совершенно невозможно» (л. 18—20 об.).

Представляется, что это место переписки важно для правильного понимания шахматовского подхода к летописанию. Прежде всего, как здесь, так и во многих других местах видно, что он прекрасно понимал «проблематичность» своих выводов. Крайне интересен также выразительный пассаж о «тусклой призме» литературных памятников, сквозь которую просвечивают исторические факты. Он возвращает нас к началу данной статьи, к тому месту, где говорилось о разнице в трактовке летописного текста А. А. Шахматовым и учениками А. Е. Преснякова, которые зачастую этой «призмы» не видели. В словах о том, что историк часто «хочет знать, кто же был доподлинно Олег», проявилось предвидение А. А. Шахматовым проблем в изучении истории Древней Руси в XX в., когда историки желали задавать летописи вопросы, на которые она не могла ответить. В. А. Пархоменко, как представляется, также не полностью воспринял глубину замечаний своего корреспондента, хотя ощутил его критический настрой, который, возможно, был для него неожиданным. Поскольку цитированное выше письмо было спровоцировано отзывом В. А. Пархоменко на книгу М. Д. Приселкова, 29 декабря 1913 г. он отвечал, что письмо А. А. Шахматова его «смutilo»: «Сколько я помню, моя заметка, принятая Вами для 4-й кн. „Известий“, касается именно первых двух глав работы Приселкова, которые и Вы признаете неудачными. Относительно своих замечаний по поводу этих глав я чувствую свою правоту». Критику в свой адрес он понял лишь как необходимость доделать статью, опираясь на выводы А. А. Шахматова по истории текста: «„Олега“, по получении от Вас всех четырех рукописей, я исправлю и объединю в связное целое. В тех рукописях, которые были у Вас, для меня важнее всего место о Киевском перевороте 882 г. и попытка расчленил летописное сказание на два; допустимо ли это? Мне очень важно было бы знать Ваше мнение по этому вопросу, допустимо ли с точки зрения уясненного доселе состава наших летописей делать такое предпочтение» (л. 56—59).

С началом войны сюжеты истории летописания уступили место рассказу о текущих событиях. А. А. Шахматов писал 2 ноября 1914 г.: «Я положительно не справляюсь с лежащею на мне работой. Усердно готовлюсь к лекциям. Читаю сейчас введение в историю русского языка и сейчас пересматриваю вопросы, на которых мы с Вами специализировались — говоры о начале Русского государства и расселении р[усских] племен. В конце сентября пришлось похоронить моего учителя и одного из самых дорогих мне людей Ф. Ф. Фортунатова; его смерть подшибла меня нравственно. Впрочем, нас всех подшибла еще и война, удручающим образом давящая на нервную систему и не дающая спокойствия для занятий» (л. 32—33 об.). Тем не менее А. А. Шахматов напоминал: «У меня две Ваши статьи: ответ Приселкову

и „Почему Святослав посадил сыновей своих“²² и т. д. Я их напечатаю. Но опять выдвигаю общее возражение. Зачем Вы спешите печатать небольшие статьи, содержащие отдельные мысли, быть может, недостаточно продуманные и согласованные? Отчего не удержать свои силы и поберечь их для большого труда? Откровенно скажу, что меня даже стесняет иной раз помещать в Известиях наскоро набросанные заметки. Но редактор я плохой, и большею частью подчиняюсь автору, помещая то, что он пришлет. Не осудили бы меня за это мои коллеги, члены Отделения». Возвращаясь к полемике, он настаивал: «Мы все-таки стоим с Вами на совершенно различных точках зрения, когда говорим об исторических источниках. Вы удивляетесь моему суждению о Никоновской летописи; я удивляюсь Вашему к ней доверию. Только в реальных очертаниях ощутив, осязав памятник X—XI века, скрывающий такие записи о событиях этих веков, которые до нас не дошли в летописи, я поверю в содержание подобных записей. Хронология до 945 года совершенно абсолютно недостоверна.²³ Неужели в этом усомнится такой исследователь, который потрудился бы проанализировать источники Повести временных лет, оставя в стороне мои работы (проработайте вопрос сами). Прежде чем писать экскурсии в области древней русской истории, пожертвуйте три-четыре вечера на анализирование состава Повести временных лет. Возьмите Новгородскую 1 летопись по Комиссионному и другим спискам младшего извода, возьмите текст Георгия Амартола и проанализируйте Повесть временных лет в части до 945 года. Для меня ясно, что Вы не уяснили себе главный вопрос нашей историографии, отношение Повести временных лет и Новгородской 1-й младшего извода» (л. 32—33 об.).

Но для В. А. Пархоменко многие вопросы истории летописных текстов были вопросами веры или неверия, а также возможности или невозможности того или иного хода событий, понимаемых с современной ему точки зрения. 12 ноября 1914 г. он писал: «В точность хронологических дат летописи до половины X века я не верю, но допускаю возможность установления известной хронологической последовательности событий. Я и подыскиваю основания для установления такой последовательности. Вопрос о древнейшей части Никоновской летописи меня очень интересует; в ней мне кажутся заметными следы древних известий, при недостоверности точной датировки этих известий. Неужели выдуманно там то, что говорится, например, об Оскольде? Ведь и в памятнике позднейшем случайно могли оказаться следы древнейших известий; более древних, чем в памятнике более раннем. Тем более, что, как мне кажется, история нашего летописания и состава летописей доселе была слишком мало уяснена; только Ваши работы пролили свет на этот вопрос. Мне очень хотелось бы заняться серьезно вопросом о Никоновской летописи и ее составе» (л. 85—88). Как видим, В. А. Пархоменко, несмотря на критику А. А. Шахматова, сохранил по всем вопросам свои позиции. По поводу трудов своего корреспондента он делал замечания, например, просил разрешения «высказать одно небольшое недоумение: если Нестор существенно и умело переработал старший летописный свод (...)

²² Пархоменко В. А. Почему Святослав посадил сыновей своих — Олега в земле Древлянской и Владимира в Новгороде // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 4. С. 139—142.

²³ Речь идет о хронологии Никоновской летописи.

как могло случиться, что он не переработал его в самом близком, дорогом и знакомом ему вопросе — в истории Печерской обители и, в частности, в рассказе о Никоне, о котором так естественно ему было опустить нежелательные известия?» (л. 88). При этом В. А. Пархоменко понимал изменчивость гипотез А. А. Шахматова и был убежден, что тот еще не сказал «своего последнего слова по вопросу о начале Руси», и поэтому ждал его дальнейших «изысканий в этой области».

Как известно, надежды эти не сбылись, жизнь А. А. Шахматова трагически рано оборвалась. Но и в последние месяцы, весной 1920 г., его переписка с В. А. Пархоменко продолжалась, в том числе среди признаний о тяжести жизни в Петрограде А. А. Шахматов сообщал: «Я занимаюсь преимущественно синтаксисом, но занимаюсь урывками; много, очень много трачу времени на домашние работы. Недавно в приложении к Историческому журналу вышла моя брошюра „Древнейшие судьбы русского племени“; говорю в ней об интересующих Вас вопросах. Между прочим, я окончательно утвердился в том, что первое русское государство (о котором говорят арабы) основано было на севере и имело центром Холмгард, современную Старую Руссу. Вы видите — я неисправимый норманист» (л. 49—49 об.). О планах на будущее шла речь и в последнем письме А. А. Шахматова к В. А. Пархоменко от 25 мая 1920 г., в котором он писал о трагических потерях последнего времени, но находил силы выражать озабоченность и даже «скорбь» по поводу «научного одиночества» В. А. Пархоменко: «Зиму мы пережили очень тяжелую. Похоронил я и тетю-мать, и одну из сестер (не ту, с которой Вы знакомы). Занимался много пилкой дров, колкой и ноской. Работать над наукой пришлось не много (...) Теперь думаю засесть за курс для Археол[огического] института „Историческая этнография Восточной Европы“». Это отвлечет меня от тяжелых мыслей и переживаний. Все это время занимался языком, составлением очерка синтаксиса. Недели две тому назад я нечаянно напал на две рукописи Истории Татищева, попавшие в Академию из Воронцовского архива. Это дало мне повод написать статью о критическом издании „Истории Российской“; теперь имеются все нужные для такого издания материалы. Кажется, я говорил Вам, что в Академии хранится рукопись первой редакции труда Татищева, где он был достоверен, где он точно следовал за своими источниками, где он „не изобретал ни древних летописей, ни преданий“. И эту редакцию также необходимо издать».²⁴ Таким образом, А. А. Шахматов именно в этот момент пришел к мысли самому исследовать рукописи В. Н. Татищева разных редакций. Несмотря на тяжесть условий, в которых оказались А. А. Шахматов и его коллеги в Петрограде, он в том же письме отмечал, что «у людей науки сильное желание работать и создавать», хотя «крылья обрзаны, и многие начинания сводятся к шуму, суете, разговорам и посильному выкачиванию денег» (л. 50—51 об.).

Поскольку основными корреспондентами А. А. Шахматова на протяжении всей жизни были его учителя и соратники из московского фортунатовского окружения, это определяло и темы переписки с ними. Вопросы истории летописания там не затрагивались. Но в переписке с другими

²⁴ См.: *Шахматов А. А.* К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 94—95.

лицами — последователями А. А. Шахматова в изучении древних памятников письменности (к которым можно отнести и А. Е. Преснякова), а также учениками и младшими коллегами — иногда акцент делался именно на этом сюжете, хотя в целом он все-таки освещался в гораздо меньшей степени, чем вопросы лингвистики. Тем не менее переписка А. А. Шахматова дает дополнительный материал для истории науки в области древнерусских текстов, не говоря уже о том, что она помогает уточнить некоторые обстоятельства, важные для написания научных биографий как самого А. А. Шахматова, так и его корреспондентов, как филологов, так и историков.

Список литературы

Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX—XX вв. СПб., 2011. 927 с.

Вовина-Лебедева В. Г. Способы выживания академического сообщества в годы Гражданской войны: По материалам переписки академика А. А. Шахматова // Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922. СПб., 2020. С. 141—155.

Вовина-Лебедева В. Г. Сто лет после Шахматова (О книге В. Ю. Аристова «Алексей Шахматов и раннее летописание») // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2021. № 4. С. 136—152.

Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. 448 с.

Пархоменко В. А. Три момента начальной истории русского христианства: Игорь «Старый» и Ярослав Мудрый (по поводу нового исследования М. Д. Приселкова) // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 18, кн. 4. С. 371—380.

Пархоменко В. А. В какой мере было тенденциозно не сохранившееся древнее «Житие Антония Печерского»? // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 1. С. 237—241.

Пархоменко В. А. Почему Святослав посадил сыновей своих — Олега в земле Древлянской и Владимира в Новгороде // ИОРЯС. Пг., 1914. Т. 19, кн. 4. С. 139—142.

Пресняков А. Е. Кормилец, воевода, тысяцкий // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 148—174.

Пресняков А. Е. Русское летописание: Историография и история / Сост. С. В. Чирков. М., 2017. 272 с.

Свердлов М. Б. А. Е. Пресняков (1870—1929): Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подгот. текста, примеч. М. Б. Свердлова. СПб., 1993. С. 506—554.

Чирков С. В. А. А. Шахматов и А. Е. Пресняков: (По материалам архива А. Е. Преснякова) // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 384—395.

Шахматов А. А. [Рец.:] Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. Полтава, 1913 // ЖМНП. 1914. Новая серия. Ч. 52, № 8. С. 334—354.

Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 94—95.

References

Chirkov S. V. A. A. Shahmatov i A. E. Presnjakov (Po materialam arhiva A. E. Presnjakova) // Istoricheskie zapiski. M., 1971. T. 88. S. 384—395.

Panejah V. M. Tvorchestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb., 2000. S. 24—25.

Parhomenko V. A. Tri momenta nachal'noj istorii russkogo hristianstva. Igor' "Staryj" i Jaroslav Mudryj (po povodu novogo issledovanija M. D. Priselkova) // *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk.* Pg., 1914. T. 18, kn. 4. S. 371—380.

Parhomenko V. A. V kakoj mere bylo tendenciozno ne sohranivsheesja drevnee "Zhitie Antonija Pecherskogo"? // *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk.* Pg., 1914. T. 19, kn. 1. S. 237—241.

Parhomenko V. A. Pochemu Svjatoslav posadil synovej svoih — Olega v zemle Drevljanskoj i Vladimira v Novgorode // *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk.* Pg., 1914. T. 19, kn. 4. S. 139—142.

Presnjakov A. E. Kormilec, vovoda, tysjackij // *Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Akademii nauk.* SPb., 1908. T. 13, kn. 1. S. 148—174.

Presnjakov A. E. Russkoe letopisanie: Istoriografija i istorija / Sostavil S. V. Chirkov. M., 2017. 272 s.

Shahmatov A. A. [Rec.:] Parhomenko V. A. Nachalo hristianstva Rusi. Poltava, 1913 // *ZhMNP.* 1914. Novaja serija. Ch. 52, № 8. S. 334—354.

Shahmatov A. A. K voprosu o kriticheskom izdanii "Istorii Rossiiskoi" V. N. Tatishheva // *Dela i dni.* 1920. Kn. 1. S. 94—95.

Sverdlov M. B. A. E. Presnjakov (1870—1929): Zhizn' i tvorcestvo // *Presnjakov A. E. Knjazhoe pravo v Drevnej Rusi: Oчерki po istorii 10—12 stoletij. Lekcii po russkoj istorii: Kievskaja Rus' / Podgot. teksta, primech. M. B. Sverdlva.* SPb., 1993. S. 506—554.

Vovina-Lebedeva V. G. Shkoly issledovanija russkih letopisej: 19—20 vv. SPb., 2011. 927 s.

Vovina-Lebedeva V. G. Sposoby vyzhivanija akademicheskogo soobshhestva v gody Grazhdanskoj vojny: Po materialam perepiski akademika A. A. Shahmatova // *Grazhdanskaja vojna v Rossii: Zhizn' v epohu social'nyh eksperimentov i voennyh ispytanij, 1917—1922.* SPb., 2020. S. 141—155.

Vovina-Lebedeva V. G. Sto let posle Shahmatova (O knige V. Ju. Aristova "Aleksi Shahmatov i rannee letopisanie") // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki.* 2021. № 4. S. 136—152.